

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ВОЕННОГО СБОРНИКА:

ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ (*).

Въ первой книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1861 годъ, помѣщена г. Отставнымъ статья: «*Шесть мѣсяцевъ въ Севастополь*». Трудъ этотъ имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и предшествовавшая ему статья того же автора: «*Воспоминаніе о войнѣ на Дунаѣ*», изъ которой отрывокъ помѣщенъ въ № 204-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1860 года. Хвалить ее было бы излишне; но я считаю долгомъ разъяснить одно обстоятельство, о которомъ она говоритъ нѣсколько темно.

Дѣло идетъ о началѣ сраженія, 4 августа 1855 года, при р. Черной.

До сихъ поръ, кромѣ официальныхъ донесеній бывшаго главнокомандующаго Крымскою арміею, генераль-адъютанта князя Горчакова, существовали двѣ брошюры, касавшіяся этого времени севастопольской осады: *Записки* г. Берга и *Описаніе участія 5-й пѣхотной дивизіи въ дѣль при р. Черной* г. Кузьмина.

Въ запискахъ своихъ, г. Бергъ, на стр. 245 (первой части), 249 и 252, говоритъ:

(*) Предлагаемая статья напечатана въ № 7 «Московскихъ Вѣдомостей».

«Отрядъ генерала Реада, дойдя до мѣста, называемаго «Новымъ», остановился. Въ это время свѣтилъ еще мѣсяцъ.

«Генераль Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Столыпина: «Съ которой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?»

«— Съ правой, ваше высокопревосходительство!

«— А я такъ съ лѣвой, сказалъ Реадъ: — говорить, это не хорошо!

Далѣе:

«Генераль Реадъ, услыша выстрѣлы въ отрядѣ Липранди, также открылъ артиллерійскій огонь (какъ сказано было въ диспозиціи); но, не причиняя почти никакого вреда неприятелю, вскорѣ прекратилъ бесполезную стрѣльбу, по совѣту своего начальника, артиллерія генерала Гагемана.

«Между тѣмъ, главнокомандующій послалъ своего адъютанта съ приказаніемъ: «начинать!» Въ ту минуту, когда адъютанта отправляли, *Реадъ не открывалъ еще огня*, но когда адъютантъ поскакалъ, дѣйствіе артиллеріи праваго фланга уже началось.»

Адъютантъ подѣхалъ къ Реаду и сказалъ: «Главномандующій приказалъ начинать!»

«— Что значить «начинать»? спросилъ Реадъ.

«*Я не знаю*, отвѣчалъ адъютантъ: — мнѣ только передано это слово.

«— Стало быть, начинать атаку, продолжалъ Реадъ: — потому что предписанное въ диспозиціи нами уже начато, да за этимъ и не посылають. Скажите же князю, что я начинаю атаку: пускай посылаетъ резервы!»

«Адъютантъ ускакалъ, а къ Реаду подѣхалъ Веймарнъ (начальникъ штаба), *бывшій до того времени впереди у артиллеріи*.

«Надо атаковать! сказалъ ему Реадъ.

«— Какъ атаковать? Зачѣмъ?

«Реадъ рассказалъ ему о пріѣздѣ адъютанта. Напрасно Веймарнъ увѣрялъ, что тутъ есть какая нибудь ошибка, и говорилъ, что боевой фронтъ еще не готовъ — не прибылъ уланскій полкъ, которому слѣдовало поддержать правое крыло отряда. Реадъ и самъ понималъ, что дѣло что-то не такъ; но онъ былъ чловѣкъ точный, немного свѣжій въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же, *онъ уведомилъ главнокомандующаго*,

что начинаетъ атаку... дѣло приняло другой смыслъ, и потому, сообразивъ все это, двинулъ 12-ю дивизию на мостъ.»

Г. Кузьминъ желалъ исключительно показать участіе, какое принимала въ дѣлѣ 5-я пѣхотная дивизія, и потому о началѣ сраженія ничего не говоритъ.

Наконецъ, въ статьѣ «Шестъ мѣсяцевъ въ Севастополѣ», г. Отставной, на стр. 63, говоритъ слѣдующее:

«Какое именно обстоятельство побудило генераль-адъютанта Реада, вопреки данной диспозиціи, предпринять нападеніе, не получивъ на то приказанія главнокомандующаго — неизвѣстно. Эту *неясность* объясняли тѣмъ: что будто бы приказаніе, переданное адъютантомъ главнокомандующаго, объ открытіи огня, было принято за приказаніе *начинать атаку*; ибо адъютантъ, прибывшій къ генералу Реаду въ то время, когда уже батареи его дѣйствовали, словомъ: *начинать*, указывалъ на начало атаки.

«Таковъ былъ говоръ въ войскахъ.»

Дѣйствительно, таковъ былъ говоръ въ войскахъ. Это лучше всего доказывается выпиской, приведенной выше, изъ «Записокъ» г. Берга; но такъ какъ адъютантомъ, передавшимъ приказаніе главнокомандующаго генералу Реаду, былъ я, то и считаю обязанностію рассказать, какъ происходило дѣло.

Въ диспозиціи, данной на 4 августа, было, между прочимъ, сказано: «Войскамъ быть на мѣстахъ къ разсвѣту; въ 4 часа по полуночи генераль Липранди атакуетъ Телеграфную гору, а генераль Реадъ, въ одно и то же время, открываетъ артиллерійскій огонь по Федухинымъ высотамъ, давая тѣмъ возможность удержаться на Телеграфной горѣ. Главнокомандующій первоначально будетъ на батарее, снаряженной морскими орудіями (на редутѣ), а потомъ переѣдетъ къ генералу Липранди, гдѣ и рѣшить ходъ дѣла. *Обоимъ генераламъ ожидать приказанія главнокомандующаго.*»

Главнокомандующій предполагалъ, смотря по тому, что окажется болѣе удобнымъ, атаковать Федухины высоты, или Гасфортovu гору, или, наконецъ, ограничиться однимъ усиленнымъ обзорѣніемъ.

Въ три часа по полуночи, генераль-адъютантъ князь Горчаковъ выѣхалъ, со своимъ штабомъ, съ Мекензіевой горы и, прибывъ на редутъ въ половинѣ пятого, увидѣлъ, что войска обоехъ отдѣловъ не приступили еще къ выполнецію перваго момента дис-

позиціи. Онъ подзвалъ меня и отправилъ съ слѣдующимъ приказаніемъ: *«Повзжайте къ генераламъ Липранди и Реаду и скажите имъ, что они стоятъ до сихъ поръ—время начинать!»*

Я нашелъ, что отрядъ генерала Липранди началъ движеніе къ Телеграфной горѣ, получилъ отъ него въ отвѣтъ: *«сейчасъ отправляюсь»*, и поѣхалъ искать генерала Реада.

Въ это время, отрядъ его стоялъ еще не въ боевомъ порядкѣ; самъ Реадъ, съ частію своего штаба, выѣхавъ впередъ казачьей цѣпи (тогда еще не убранной), осматривалъ въ трубу позицію непріятеля на Ореюхиныхъ высотахъ. Передавъ приказаніе главнокомандующаго, я уже отдалился было, какъ вдругъ генералъ Реадъ попросилъ меня возвратиться и сдѣлалъ вопросъ: *«Однако, что же значитъ начинать? Вѣдь не атаковать же?»* Я повторилъ приказаніе князя Горчакова. Генералъ Реадъ отвѣчалъ: *«Хорошо. Скажите князю, что я начинаю обстрѣливать мѣстность.»*

Измученный быстрой ѣздой на довольно большомъ разстояніи отрядовъ отъ редута и ихъ между собою, я рысью возвратился къ главнокомандующему и передалъ отвѣты обоихъ генераловъ, выразивъ сомнѣніе въ точномъ выполненіи приказанія генераломъ Реадомъ, вслѣдствіе сдѣланнаго имъ мнѣ вопроса, на что князь Горчаковъ замѣтилъ, что генералъ Реадъ знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать по диспозиціи.

Дѣйствительно, все казалось до того яснымъ, что, несмотря на намекъ объ атакѣ, сдѣланный генераломъ Реадомъ, главнокомандующій не счелъ нужнымъ посылать другаго адъютанта для объясненій.

Въ то время, когда я передавалъ главнокомандующему отвѣты отрядныхъ начальниковъ, Телеграфная гора еще не была занята войсками Липранди, а генералъ Реадъ не открывалъ еще огня. Войска генерала Реада только еще двигались къ той позиціи, съ которой слѣдовало открыть артиллерійскій огонь.

Далѣе, когда главнокомандующій увидѣлъ, что Телеграфная гора занята, и сталъ спускаться съ редута, направляясь къ отряду генерала Липранди, былъ услышанъ сильный ружейный огонь на правомъ флангѣ, и вслѣдъ затѣмъ прискакалъ адъютантъ генерала Реада Волковъ, съ донесеніемъ: *«Предмостное укрѣпленіе взято—Французы бѣгутъ»*. Удивленный этияъ нападеніемъ генерала Реада, князь Горчаковъ передалъ ему чрезъ Волкова

приказаніе; «*по прибытіи 5-й дивизіи, атакуютъ Оедюхины горы*», а самъ поспѣвалъ на Телеграфную гору.

Не прошло и получаса, какъ мы увидѣли наши колонны на Оедюхиныхъ высотахъ: это была 12-я пѣхотная дивизія, безъ резерва.

Изъ всего мною сказаннаго, читатель видитъ, что приказаніе передано Реаду тогда, когда онъ не открывалъ еще артиллерійскаго оня, и что чрезъ меня Реадъ не увѣдомлялъ главнокомандующаго о своемъ намѣреніи атаковать Оедюхины горы.

Переписывая диспозицію нѣсколько разъ, я твердо зналъ ее, да и вообще, кажется, не нужно имѣть слишкомъ бойкое соображеніе, чтобы не сказать: *начинайте стрѣлять*, когда уже *начали*.

Причины, почему Реадъ не выполнилъ диспозиціи, за смертію его и начальника его штаба, генерала Веймарна, остались неизвѣстны. Думаютъ, впрочемъ, что его увлекъ къ этому первый успѣхъ артиллерійскаго огня, вслѣдствіе коего Французы поспѣшно отступили за Черную.

Я и еще разъ ѣздилъ къ генералу Реаду, за Черную уже, и онъ мнѣ ни словомъ не намекнулъ о недоразумѣніи, въ которое, по словамъ г. Берга, былъ будто бы вовлеченъ приказаніемъ князя Горчакова.

Затѣмъ, для узнанія дальнѣйшаго хода сраженія, я отсылаю читателя къ статьѣ г. Отставнаго, а отъ себя скажу только, что по этому дѣлу было произведено самимъ главнокомандующимъ, по Высочайшему повелѣнію, разслѣдованіе, результатомъ котораго было изложенное мной выше.

Что же касается, вообще, до причинъ, побудившихъ главнокомандующаго къ дѣйствію противъ праваго фланга общей непріятельской позиціи, то къ сказанному г. Кузьминымъ надобно добавить и слѣдующее. Въ то время, непріятель былъ сильнѣе насъ, не считая ожидаемыхъ имъ сикурсовъ, почему очищеніе Южной стороны Севастополя представляло величайшія опасности. Нужно было черезъ бухту, шириною въ 450 сажень, переправить огромный гарнизонъ. Мостъ, по тогдашнимъ расчетамъ, могъ быть готовъ только въ половинѣ августа. Надобно было показать непріятелю, что мы располагаемъ большими силами и въ состояніи долго еще защищать Севастополь. Продолжать же оборону было необходимо, потому что, хотя Австрія, въ это

время, обезоружилась и до весны съ ея стороны мы были покойны, но продолженіемъ обороны Севастополя достигалось то, что союзники, овладѣвъ городомъ, не могли бы, по случаю ненастной погоды, предпринять что либо серьезное противъ насъ внѣ полуострова.

Сколько мнѣ извѣстно, главнокомандующій предполагалъ дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля съ большою осмотрительностію и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, онъ мало разсчитывалъ, перейти къ дѣйствительному наступленію.

И. КРАСОВСКІЙ.

Москва.

7-го января 1861 г.